

[Рец. на: / Review of:] **A. R. Luís, R. Bermúdez-Otero (eds.). The morphome debate.** Oxford: Oxford University Press, 2016. xii + 376 p. ISBN 978-0-19-870210-8.

Лев Сергеевич Козлов

Lev S. Kozlov

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
lieoua.k@gmail.com

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
lieoua.k@gmail.com

Книга «Дебаты о морфеме» посвящена понятию морфомы, предложенному в работе Марка Аронова¹ «Морфология сама по себе: основы и словоизменительные классы» [Aronoff 1994] и давшему импульс продолжительной полемике среди специалистов по теоретической морфологии.

Морфема, по Аронову, представляет собой функцию, ставящую в соответствие морфосинтаксическим признакам ($\approx$ грамматическим значениям) фонологические реализации. Морфомы могут рассматриваться как абстрактные языковые единицы и составляют отдельный — морфомный — уровень языковой репрезентации.

Книга по сути является очередным витком дискуссии о месте морфологии и морфологических явлений в теории языка. Существование морфом определенного типа (см. обсуждение главы 2), согласно Аронову, является веским аргументом в пользу автономного морфологического модуля в архитектуре грамматики. Если же явления, кажущиеся чисто морфологическими, в действительности объяснимы в терминах фонологии, синтаксиса или семантики, то, по мнению многих исследователей, оснований для введения отдельного морфологического модуля нет.

Разные лингвистические школы относятся к понятию морфомы по-разному. Теория морфом разрабатывается главным образом в рамках так называемого инференциально-реализационного (inferential-realizational) подхода к морфологии, которого придерживается сам Аронов, а также Мартин Мейден, Грегори Стамп и Эндрю Спенсер, участвовавшие в написании книги (одним из примеров этого подхода является теория парадигматических функций (Paradigm Function Morphology) Стампа [Stump 2001; 2002]). Представители же лексико-реализационных (lexical-realizational) теорий, в частности генеративных, как правило, отвергают понятие морфомы, предпочитая иные способы описания морфологических явлений (как Дэвид Эмбик в главе 11 рецензируемой книги).

Главные проблемы, обсуждаемые в книге, — это уточнение определения морфомы, разработка критериев для ее выявления и выбор адекватных механизмов формального описания для предполагаемых морфом.

Книга объединяет работы специалистов из разных областей лингвистики и разных школ — как сторонников понятия морфомы, так и его противников. Она состоит из 12 глав, написанных разными авторами. Вводная и заключительная главы написаны редакторами Аной Луиш (Ana R. Luís) и Рикардо Бермудесом-Отеро (Ricardo Bermúdez-Otero); остальные главы распределены по двум частям. Первая часть «Morphomic or not? Diagnosing morphomicity» («Морфема или нет? Выявление морфомных паттернов») посвящена вопросу о существовании морфом и способам их выявления. Вторая часть «Autonomous or not? Analysing morphomic patterns» («Автономна или нет? Анализ морфомных паттернов») концентрируется на описании (предполагаемых) морфом с позиций разных формальных теорий.

¹ Его фамилия по-русски встречается также в вариантах «Эронофф» и «Аронофф», однако мы будем использовать русифицированный вариант вслед за [Люсина 2013: 135 и сл.] и [Аркадьев 2015: 122].

По своему содержанию книга во многих отношениях разнообразна. Авторы опираются на материал большого количества языков из разных семей и ареалов (хотя индоевропейский материал, безусловно, преобладает). Так, в книге есть главы, посвященные латыни, романским языкам, санскриту, немецкому, австралийскому языку каядилт и центральноамериканскому языку ульва; рассматривается также материал английского, исландского, русского, венгерского, селькупского, арчинского и других языков. Разнообразием отличается и теоретическая составляющая книги. Для полного понимания всех теоретических решений и дискуссий читателю потребуется знакомство с различными лингвистическими формализмами: в книге используется аппарат теории оптимальности [Prince, Smolensky 1993], лямбда-исчисление, формулы теории парадигматических функций [Stump 2001; 2002], а также генеративные синтаксические деревья и формулы распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993]. Впрочем, авторы в большинстве случаев так или иначе поясняют принципы построения используемых ими формальных моделей. Кроме того, в большом количестве присутствуют таблицы с морфологическими парадигмами, способствующие наглядности.

Глава 2 «Неестественные категории» («Unnatural kinds»), следующая за вводной главой 1 и открывающая первую часть книги, написана Марком Ароновым (Mark Aronoff), автором самого термина «морфема» [Aronoff 1994] и одним из главных теоретиков в этой области. Глава носит общетеоретический, во многом даже философский характер. Центральной темой являются естественные и неестественные категории в сознании человека, в том числе в человеческом языке. Яркий пример неестественных категорий представляют собой морфомы.

Аронов утверждает, что и для человеческого мышления в целом, и для языка использование неестественных категорий является нормой. Он критикует направления в лингвистике, делающие сильный акцент на врожденности языка и настаивающие на врожденности (и, следовательно, универсальности) различных языковых категорий, и подчеркивает роль приобретенных, культурных аспектов мышления и языка, которые могут быть обусловлены спецификой исторического развития того или иного сообщества.

На нескольких конкретных примерах Аронов рассматривает категорию рода в языках мира и делает вывод, что, хотя исторически род может быть мотивирован семантикой, со временем эта связь почти всегда в большей или меньшей степени нарушается, и в результате категоризация существительных по роду может стать практически непредсказуемой — что не мешает усвоению этой категории. Автор приводит множество примеров «неестественности» рода, в том числе ситуацию в современном иврите, где формы мужского рода могут использоваться по отношению к собеседнику женского пола в определенном языковом регистре (доверительное, интимное общение).

Далее обсуждается феномен словоизменительных классов, которые не взаимодействуют с синтаксисом и часто бывают еще менее мотивированными, чем род.

Аронов выражает мнение, что в современной лингвистике существует тенденция к преуменьшению связи между языком и культурой, связанная с акцентом на универсальных свойствах языка, в противовес языковым различиям. Согласно Аронову, «хорошая теория языка и языков (...) должна учитывать и природу, и культуру, а также их взаимодействие в реальных человеческих языках» (с. 23).

Затем он переходит к понятию морфомы, которое призвано описывать определенный тип «неестественностей» в языке. Морфеме дается такое определение: «Морфомы суть функции² в инкрементально-реализационной³ морфологической теории, которые отображают морфосинтаксические репрезентации в фонологические реализации» (с. 24). Исследователь

² Дальнейшее изложение показывает, что морфомы в понимании Аронова не являются функциями в математическом смысле; математически грамотно было бы называть их отношениями, как это и делает Э. Раунд в главе 9.

³ Очевидно, в определение закралась ошибка: инкрементальные и реализационные — это два взаимоисключающих типа морфологических теорий. Теория, которую развивает Аронов, относится к *инференциально-реализационным* (inferential-realizational).

подразделяет морфемы на четыре типа по двум бинарным признакам: морфемы могут быть моновалентными / поливалентными и мономорфными / полиморфными. Моновалентные морфемы реализуют один набор морфосинтаксических признаков (т. е. имеют одну грамматическую функцию), поливалентные — несколько. Мономорфные морфемы имеют одну фонологическую реализацию, полиморфные — несколько контекстно зависимых реализаций.

Аронов пишет, что термин «морфема» стал использоваться многими исследователями исключительно по отношению к поливалентным полиморфным морфемам, таким как один из его наиболее известных примеров — английская «третья форма» глагола (Past Participle). Эта форма, по словам Аронова, может выражать как перфект, так и пассив, и имеет множество реализаций, не сводимых к одной фонологической форме. В книге [Aronoff 1994] для ее описания вводится функция F_{en} , являющаяся морфемой. В последующих главах рецензируемой книги обсуждаются примеры, подобные этому, и практически не рассматриваются моновалентные и мономорфные морфемы.

Аронов также замечает, что понятие морфемы подверглось не только сужению, но и расширению: морфемами стали называть вообще «все явления, когда морфологическая система освободилась от синтаксических и фонологических ограничений» так же, как морфемы типа F_{en} (с. 25). Примером такого расширения являются морфемы, рассматриваемые в работах М. Мейдена, в том числе в главе 3 рецензируемой книги (см. ниже). Морфемы в этом новом понимании, по-видимому, не удовлетворяют определению Аронова.

В конце главы автор переходит к материалу жестовых языков, рассматривая согласовательные свойства некоторых глаголов, а затем способы обозначения некоторых артефактов на материале американского, израильского и аль-сайидского (Израиль) жестовых языков. На этих примерах демонстрируется, как языковые категории формируются под влиянием человеческого тела и его взаимодействия с внешним миром. В основе обсуждаемых явлений лежит иконичность, которая особенно сильно проявляется в жестовых языках. В таких случаях, заключает Аронов, не приходится говорить о каких-либо заранее заданных категориях или грамматических принципах — все определяется свойствами описываемых фрагментов реальности и пространством возможных средств выражения.

Отметим, что, обсуждая жестовые языки, автор не приводит каких-либо иллюстраций, а ограничивается словесными описаниями, что может затруднить понимание материала для читателя, не знакомого с жестовыми языками.

Основной вывод Аронова заключается в том, что идея естественности человеческого языка в современной лингвистике часто воспринимается слишком буквально. Он выражает сомнения в том, что языковые категории можно считать врожденными. Напротив, «по крайней мере некоторые языковые категории целесообразнее рассматривать как результат взаимодействия между сознанием / телом человека и окружающим миром» (с. 31). Впрочем, часто мы не видим этот результат непосредственно: он замутняется в ходе языковой эволюции (как род во многих языках). Некоторые же морфологические категории — морфемы — и вовсе «не существуют (have no reality) вне узкой системы самого языка» (с. 32).

В главе 3 «Уроки из истории: морфемы в диахронии» («Some lessons from history: Morphemes in diachrony») Мартин Мейден (Martin Maiden) рассматривает эволюцию глагольной парадигмы в романских языках. Обсуждаются морфологические явления, имевшие в латыни фонологическую или функциональную мотивацию, но утратившие ее в языках-потомках. Именно такое развитие событий, согласно автору, приводит к возникновению морфом. Как уже было сказано, Мейден понимает морфому несколько иначе, чем Аронов: в данной главе исследуются в основном чередования основ в романской глагольной парадигме, которые называются морфомными из-за отсутствия фонологической и семантической мотивации.

Автор выдвигает и аргументирует следующие пять положений: «1) Диахрония может предоставить свидетельства психологической реальности предполагаемых морфом; 2) Диахрония может служить диагностикой морфомного статуса некоторой модели чередования на синхронном уровне; 3) Типологическое сравнение может служить для опровержения

морфомного статуса некоторой модели чередования; 4) Для носителей языка морфомы не являются менее предпочтительными, чем “неморфомы”; 5) Чередование может быть морфомным, даже если оно выглядит фонологически обусловленным» (с. 34).

Рассуждения Мейдена опираются на опыт многолетних исследований романского глагольного словоизменения⁴. Привлекается материал как крупных романских языков, так и менее известных идиомов (ретороманских, сардинских, окситанских, франкопровансальских и др.). Глава снабжена большим количеством таблиц с глагольными парадигмами. Как отмечает сам автор, поскольку исследования основаны на весьма обширном материале, в статье демонстрируется лишь небольшая его часть; исследователь оставляет за рамками главы некоторые сюжеты и отвлекается от некоторых деталей, многократно отсылая читателя к другим своим работам.

В главе рассматриваются различные немотивированные чередования в глагольной парадигме романских языков, демонстрируется их диахроническая устойчивость и даже случаи восстановления частично утраченных чередований.

Одна из немногих претензий, которые можно предъявить к данной главе, — местами витиеватый и тяжеловесный стиль изложения: так, некоторые предложения достигают десяти-одиннадцати строк в длину. В качестве курьеза отметим, что в предложении на с. 44, помимо других придаточных клауз, содержится четыре вложенные друг в друга клаузы с *that*, в последнюю из которых вложена клауза с *which*. Вследствие таких особенностей построения текста следить за мыслью автора часто нелегко.

В **четвертой главе**, написанной Гревиллом Корбетом (Greville G. Corbett), рассматривается отдельный тип морфомных явлений — морфомные расщепления парадигмы (morphomic splits; так же звучит и название главы). К этому явлению относится немотивированный супплетивизм или чередование в основе. Основная цель этой главы — выявление различий между мотивированными и морфомными расщеплениями. Рассматривается четыре аспекта, в которых, с разной степенью достоверности, можно увидеть различия. Во-первых, морфомные расщепления могут быть встроены внутрь мотивированных, но не наоборот. Во-вторых, семантические расщепления могут совпадать с мотивированными морфологическими расщеплениями, но, по-видимому, не с морфомными (под семантическими расщеплениями имеются в виду непредсказуемые семантические различия между двумя частями парадигмы, ср. нетривиальную семантическую разницу между русск. *ребенок* и *ребята*). В-третьих, Корбет предполагает, что существует различие диахронического плана: морфомные расщепления возникают как обязательные, а позже могут стать факультативными; мотивированные же расщепления возникают как факультативные, а позже могут стать обязательными. Наконец, в-четвертых, предполагается, что только мотивированные расщепления могут быть релевантны для синтаксиса. Например, грузинский глагол требует эргативного кодирования аргументов в одних временных формах и аккузативного — в других. Гораздо сложнее найти случаи, когда синтаксические параметры коррелируют с семантически немотивированным расщеплением парадигмы. Автор, однако, приводит примеры, которые можно интерпретировать именно так. В марсальском диалекте сицилийского имеется конструкция, в которой используются глаголы движения *iri*, *viniri* и *passari*, но только в некоторых формах. При этом у *iri* и *viniri* наблюдается немотивированный супплетивизм основ, и в обсуждаемой конструкции могут участвовать только формы, образуемые от одной из этих основ (конкретно, формы ед. ч. презенса, 3 л. мн. ч. презенса и императив ед. ч.). У *passari* супплетивизма нет, но ограничения на формы те же самые. Автор оставляет открытым вопрос о том, как следует анализировать это явление: возможно, морфомные расщепления парадигмы в редких случаях все же могут быть синтаксически релевантны.

⁴ Значительная часть этих исследований проводилась возглавляемой Мейденом группой лингвистов в Оксфордском университете в 2006–2010 гг. Одним из главных результатов стала книга [Maiden et al. 2011] (см. также рецензию [Люсина 2013]), в которой обсуждаются многие вопросы, играющие важную роль и в рецензируемом издании, в том числе и понятие морфомы.

В заключительных разделах Корбет проводит различие между оппозициями «мотивированный — морфомный» и «регулярный — нерегулярный» и указывает на их ортогональность. Автор демонстрирует, что у морфологических расщеплений в языках мира встречаются все четыре возможные комбинации указанных свойств.

Глава 5, написанная Эндрю Кунц-Гарбоденом (Andrew Koontz-Garboden), называется «Мысли об идентификации морфом: ситуация в языке ульва» («Thoughts on diagnosing morphomicity: A case study from Ulwa»). В главе рассматриваются свойства суффикса *-ka* в языке ульва (мисумальпская семья, Никарагуа), а именно два типа его употреблений: во-первых, он маркирует обладаемое в посессивной конструкции при третьем лице и единственном числе обладателя, во-вторых, этим суффиксом снабжаются аналоги прилагательных (property concept words) как в атрибутивной, так и в предикативной позиции (прилагательные как таковые в ульва не выделяются). Кунц-Гарбоден ставит следующие вопросы: 1) Случайно ли совпадение фонологической формы показателя в этих двух типах контекстов, или же, напротив, это отражает некие особенности грамматики ульва? 2) Если это не случайность, является ли в таком случае *-ka* морфемой? Если не является, то почему?

Вначале автор показывает, что использование в двух случаях одного и того же показателя нельзя считать исторической случайностью. Приводятся данные близкородственного языка майянгна, в котором наблюдается точно такой же синкретизм, но соответствующий суффикс выглядит как *-ni*. При этом в ульва суффикс *-ni* является посессивным показателем инклюзивного первого лица множественного числа. Говоря более широко, инклюзивные показатели 1PL в ульва систематически когнатны показателям 3SG в майянгна. Согласно [Benedicto, Hale 2000], в майянгна произошел сдвиг личных показателей, тогда как система ульва отражает исходную ситуацию. Однако важно то, что вместе с изменением в системе личных показателей в майянгна произошла и смена показателя качества (property concept marking), который продолжил совпадать с посессивным показателем 3SG. Едва ли такой процесс мог быть случайным. Обычно предполагается, что подобный устойчивый синкретизм должен иметь функциональное объяснение — т. е. посессивный показатель и показатель качества должны иметь некую семантическую и / или синтаксическую общность и могут быть описаны как одна и та же граммема. Однако теория морфом не требует существования такой мотивации: в частности, Мейден на романском материале делает вывод, что морфомы (т. е. случаи немотивированного синкретизма) просто закрепляются в сознании носителей и становятся диахронически стабильными. Можно предположить, что именно такова ситуация в ульва и майянгна: совпадение изначально могло быть случайностью, однако закрепилось в грамматике, несмотря на отсутствие функциональной мотивации.

Здесь Кунц-Гарбоден переходит ко второму вопросу: как следует рассматривать показатель *-ka* в ульва — как морфому или как показатель с некоторой единой функцией? Как вообще должны решаться подобные дилеммы в языках мира?

В случае ульва морфомный анализ, казалось бы, напрашивается: сложно усмотреть что-либо общее в двух типах употреблений *-ka*. Однако автор показывает, что ситуация отнюдь не однозначна. Он обращает внимание на тот факт, что в ряде языков мира из разных семей и ареалов для предикации свойств или состояний используется «морфосинтаксис, используемый также для выражения принадлежности» (с. 99). Имеются в виду случаи, когда свойство / состояние вводится с помощью предиката «иметь» (ср. франц. *J'ai faim* — букв. *Я имею голод* = «Я голоден»). В некоторых языках (таких как хауса) такой способ применяется весьма широко — для обозначения цвета, размера и многих других качеств. Другой тип конструкций, на которые обращает внимание автор, — экзистенциальные конструкции. Они используются в некоторых языках для предикации свойств — например, в том же хауса смысл «Он умный» может выражаться конструкцией вида *Есть он с умом* или *Есть ум у него*. Приводится также конструкция вида *Есть ее красота* = «Она красивая», существующая в языке биса (семья манде). Все эти конструкции употребляются в соответствующих языках и для выражения обладания (например, «У него есть дом»). Кунц-Гарбоден делает вывод, что «языки, в которых обозначения качеств являются существительными, часто

используют морфосинтаксис обладания (morphosyntax of possession), а не предикацию, чтобы приписать объекту некоторое качество» (с. 105). В свете этой идеи гипотеза о мотивированности синкретизма в ульва предстает не лишенной оснований. При этом автор отмечает, что все же ни один из рассмотренных языков не совпадает в этом аспекте с ульва, так как в приведенных примерах не используются именные посессивные маркеры, как в ульва. Таким образом, необходимость постулирования морфомы в данном случае можно поставить под сомнение, но нельзя полностью отвергнуть.

Переходя к общетеоретическим вопросам, Кунц-Гарбоден замечает, что такого рода неопределенность имеет место во многих случаях, для которых предлагалось введение морфом. Автор видит корень проблемы в том, что само понятие морфомы до сих пор недостаточно разработано — что важнее всего, морфома (в наиболее распространенном смысле) имеет чисто отрицательное определение: повторяющийся паттерн, не имеющий фонологической, семантической или синтаксической мотивации. Как следствие, не удастся выработать положительные критерии для идентификации морфом, иначе говоря, морфомный анализ не делает положительных предсказаний. Единственные два критерия, которые видит Кунц-Гарбоден, — это собственно отсутствие неморфологического объяснения и отсутствие более или менее частотного воспроизведения этого паттерна в языках мира (если явление никак не мотивировано, оно не должно быть типологически частотным). Но оба эти критерия также отрицательные: они позволяют показать для некоторых случаев, что морфомный анализ является неверным, однако ни в одном случае не могут показать, что морфомный анализ верен. Действительно, если не было найдено внешнего объяснения для синкретизма, это не гарантирует, что его не существует. Точно так же, даже если явление типологически уникально (что доказать практически невозможно), оно может, тем не менее, быть мотивированным. Отсутствие положительных критериев, согласно Кунц-Гарбодену, является для теории морфом серьезной проблемой, на решение которой должны быть направлены усилия.

Глава 6 — последняя в первой части — написана Донкой Стериаде (Donca Steriade) и носит название «Морфома vs. синкретизм, основанный на сходстве: латинские дериваты от *t*-основы» («The morphome vs. similarity-based syncretism: Latin *t*-stem derivatives»). Под *t*-основой имеется в виду третья основа латинского глагола, традиционно называемая основой супина. В главе рассматриваются дериваты от этой основы; в их числе — перфектное пассивное причастие (например, *caesus* от *caedō* ‘бить, рубить, резать’), а также различные отглагольные имена (например, *caesor* ‘резчик, каменотес’). Латинская основа супина стала одним из классических примеров морфомы: она подробно обсуждалась уже в первой работе Аронова о морфемах [Aronoff 1994]. Стериаде в своей статье опровергает этот пример, предлагая фонологический механизм, обуславливающий синкретизм основ у рассматриваемых дериватов. Согласно Стериаде, здесь имеет место синкретизм, основанный на сходстве (similarity-based syncretism), случаи которого можно увидеть и в других языках (некоторые примеры рассматриваются в конце главы); таким образом, данное явление имеет фонологическую мотивацию и не является морфомным.

Исследование проводилось на материале известной базы данных «Персей», созданной в университете Тафтса (Массачусетс) и содержащей богатую коллекцию латинских текстов. В работе аккумулировано огромное количество информации об особенностях образования дериватов от основы супина (*t*-дериватов), например о вариативных формах или об образовании аналогичных дериватов от существительных (ср. *iānitor* ‘привратник’ от *iānuā* ‘ворота’).

Со времен Присциана тот факт, что дериваты типа *caesor* (и ряд других), супины (*caesum*) и причастия типа *caesus* образуются от одной и той же основы, считался немотивированным и требовал введения отдельных правил, касающихся конкретных деривационных суффиксов. Эту линию продолжает и анализ Аронова в терминах морфомы. Стериаде же спорит с этой точкой зрения. Нет возможности изложить в рецензии все этапы рассуждения: автор ведет читателя долгим и весьма извилистым путем, выстраивая впечатляющий по своей

сложности механизм, который позволяет связать исследуемое явление с рядом не зависящих от него фактов латинской грамматики.

Следует заметить, что некоторые из предлагаемых правил выглядят достаточно экзотично. На одном из начальных этапов рассуждения постулируется связь между основами перфекта и *t*-причастия (т. е. основой супина). Модель образования перфектной основы, согласно автору, выбирается по фонологическим правилам; для образования *t*-основы таких правил построить не удастся, однако Стериате указывает на следующее: *t*-основа в подавляющем большинстве случаев совпадает по количеству слогов с основой перфекта. Эта закономерность чаще всего позволяет однозначно выбрать правильный вариант основы *t*-причастия, зная основу перфекта. Автор делает вывод, что основа *t*-причастия подстраивается по количеству слогов под основу перфекта; возможной причиной является наличие у этих форм общей семантики перфекта. В связи с этим фрагментом главы возникают вопросы о том, зафиксированы ли в каких-либо языках мира подобные случаи, как такое правило могло возникнуть и может ли оно успешно усваиваться носителями.

Далее же, согласно Стериате, другие дериваты, такие как супин или имя деятеля на *-(t)or*, подстраивают свою основу под основу *t*-причастия — уже по совершенно иному механизму. Этот механизм — ключевой в данной главе — Стериате описывает в терминах теории оптимальности, вводя ограничение CORR_{SIM} (от «correction» и «similarity» — коррекция по сходству). Это ограничение по сути описывает аналогическое выравнивание основ дериватов типа *caesor* по образцу причастий типа *caesus*. Но происходит такое выравнивание не в произвольном наборе случаев, а при изначально присутствующем фонологическом сходстве двух основ той или иной лексемы. Иными словами, ожидаемая форма **pellitor* от *pellō* ‘толкать’ преобразуется в *pulsor*, поскольку основа **pellit-* в **pellitor* и основа *puls-* в причастии *pulsus* схожи в том, что обе кончаются на переднеязычный шумный (*t* и *s*). Почему выравнивание происходит именно в пользу *pulsus*, как признает сам автор, остается без объяснения.

После анализа латинского материала автор проводит параллели с образованием трех форм английского глагола, а также с образованием прошедшего времени и императива в исландском, анализируя эти случаи с использованием того же ограничения CORR_{SIM} (кратко упоминаются также саамские, румынские и древнегреческие примеры).

Подводя итог исследования, Стериате заключает, что предполагаемые морфомы могут при ближайшем рассмотрении оказываться случаями мотивированного синкретизма, в частности вызванного приведением сходных основ к тождественному виду (*similarity-based syncretism*). Таким образом, предложенные в литературе примеры морфом необходимо заново рассмотреть на предмет наличия подобных закономерностей, которые могут опровергнуть их «морфомность». Если «настоящие морфомы» и существуют, заключает Стериате, они едва ли являются продуктивными и, вероятно, диахронически нестабильны (вопреки тому, что пишет в главе 3 Мейден).

На наш взгляд, работа Стериате ценна как минимум тем, что она представляет собой шаг вперед в изучении латинских глагольных дериватов: солидный объем материала и рассмотрение многочисленных нестандартных случаев являются ее существенными достоинствами. Конкретные механизмы описания и объяснения наблюдаемых явлений, предложенные в работе, по-видимому, оценивать еще рано. Некоторые места в анализе Стериате вызывают вопросы; возможно, их прояснят будущие исследования.

Стериате достаточно убедительно показывает, что «морфомный» анализ латинских глагольных дериватов требует некоторого пересмотра. С другой стороны, «адаптация» одной основы под другую, предлагаемая Стериате, все же сохраняет определенные сходства с «морфомным» анализом. Важно, что Стериате постулирует для этой адаптации фонологическую мотивацию, однако сам процесс адаптации при этом невозможно описать с помощью общих фонологических правил (ср. фонологически нерегулярный переход от **ferrior* к *lātor*). Поэтому, при определенном взгляде, работу Стериате можно рассматривать не как аргумент в пользу полного отказа от морфом, а как перспективу для переопределения

морфомы, после которого наконец станут возможны положительные критерии «морфомности», на отсутствие которых указывает Кунц-Гарбоден в главе 5.

Глава 7, написанная Грегори Стампом (Gregory Stump), называется «Морфомные категории и реализация морфосинтаксических признаков» («Morphomic categories and the realization of morphosyntactic properties»). Автор рассматривает различные примеры парадигм склонения и спряжения в санскрите и сложности, возникающие при их описании. Для оптимального описания сложных случаев предлагается разделить словоизменительные классы (далее — СК) на четыре типа (в отсутствие перевода мы предлагаем условные русские эквиваленты терминов): всеобъемлющие (comprehensive), строго ограниченные (strictly segregated), супплетивные (suppletive) и переменного ограниченные (metaconjugational). Каноническим случаем является всеобъемлющий СК, который задает все формы данной лексемы; оставшиеся три типа задают лишь часть форм и вместе называются ограниченными (segregated). Ограниченные СК оказываются нужны в случаях, когда лексема в разных частях своей парадигмы изменяется по разным моделям. Все четыре типа СК подробно рассматриваются на примерах из санскрита; приводятся многочисленные таблицы, иллюстрирующие особенности санскритского склонения и спряжения.

Далее Стамп развивает теоретический анализ санскритского словоизменения с позиций подхода, называемого «paradigm-linkage approach»⁵. Этот подход призван отразить ту идею, что «синтактико-семантическое содержание лексемы и ее морфологическая форма определяются независимо» (с. 175–176). Для этого вводятся два уровня репрезентации — контентивная парадигма (content paradigm) и формальная парадигма (form paradigm)⁶. Первая состоит из пар вида <лексема, грамматическое значение>; этот уровень взаимодействует с синтаксисом и семантикой. Формальная парадигма состоит из пар вида <морфологическая основа (с указанием СК), морфологическая форма> и отражает чисто морфологические факты, не имеющие отношения к семантике, синтаксису и фонологии, такие как синкретизм форм и словоизменительные классы. Таким образом, это специальный уровень для «морфомных» явлений. Следующим, терминальным, уровнем является реализация в виде цепочки фонем.

Переход от контентивной парадигмы к формальной осуществляется по специальным правилам перехода (rules of paradigm linkage). Формулированию этих правил и посвящена оставшаяся часть статьи. Автор последовательно рассматривает выделенные им четыре типа СК, показывая, как должны выглядеть формулы для правил перехода в каждом из случаев.

Рассматривая переменного ограниченные СК у санскритских глаголов, Стамп приходит к необходимости постулировать две морфемные сущности, помимо самих СК. Суть феномена в том, что, к примеру, некоторые наборы флексий выступают как показатели имперфекта для одних глаголов и как показатели аориста — для других. Чтобы отразить это, Стамп вводит два морфомных признака — «претерит» и «не-претерит». Согласно автору, они не имеют отношения к семантике, поэтому названия следует считать условностью. Признак «претерит» приписывается на уровне формальной парадигмы всем формам имперфекта, аориста и кондиционала, а «не-претерит» — формам презенса и футурума. Различия внутри двух групп выражаются выбором основы, а набор флексий для каждой из групп единый. Таким образом, признаки «претерит» и «не-претерит» отражают исключительно факт существования в санскрите двух наборов глагольных флексий, т. е. являются чисто морфологическими, морфомными.

Бесспорным достоинством статьи является разработанная автором классификация словоизменительных классов, которая может быть весьма полезна исследователю, занимающемуся языком со сложной системой словоизменения. Однако представляется, что эта классификация

⁵ Санскритское спряжение уже обсуждалось Стампом [Stump 2001] в его книге «Inflectional morphology. A theory of paradigm structure» с позиций теории парадигматических функций, уже тогда — в связи с понятием морфомы; см. также рецензию П. М. Аркадьева [2004].

⁶ В статье [Stump 2002] более ранние версии этих понятий называются «синтаксическая парадигма» и «морфологическая парадигма» соответственно.

все же пока недостаточно разработана и последовательна. Так, два типа СК определяются по отношению к отдельно взятой лексеме (скажем, некоторый СК может быть всеобъемлющим по отношению к лексеме X, но не по отношению к лексеме Y), а два других — безотносительно к лексеме (причем переменно ограниченные СК определены не вполне четко). Более того, два типа СК, определяющиеся безотносительно к лексеме, относятся к более крупному типу (ограниченные СК), который определен только по отношению к конкретной лексеме. Судя по всему, в этом виде классификация противоречит законам формальной логики — что, разумеется, чревато проблемами при ее практическом применении. Однако при введении необходимых поправок она обещает стать полезным описательным инструментом.

Выводы Стампа, касающиеся «морфомной» проблематики, не во всем представляются очевидными. Это относится в первую очередь к постулируемому автором морфомным свойствам «претерит» и «не-претерит», которые считаются семантически немотивированными. На первый взгляд, семантическая мотивированность разграничения между презенсом и футурумом, с одной стороны, и имперфектом, аористом и кондиционалом, с другой стороны, кажется очевидной (сам автор упоминает, что санскритский кондиционал обозначает контрфактические ситуации в прошлом).

Однако Стамп видит проблему в том, что формы кондиционала, не реферирующие к будущему, образуются от той же основы, что и формы футурума. В связи с этим он предлагает считать, что на уровне контенсивной парадигмы формы кондиционала «маркированы как 'кондиционал будущего времени' (что отражает их морфологию), но претеритно-контрфактическая интерпретация признака 'кондиционал' пересиливает (overrides) любую футуральную интерпретацию» (с. 197). Необходимость таких умозрительных построений вызывает сомнения, особенно с учетом того, что в остальном вся логика статьи направлена против попыток любой ценой объяснить факты морфологии через семантику.

Итак, на уровне контенсивной парадигмы Стамп по не вполне ясным причинам приписывает кондиционалу значение 'future conditional'; стройность и мотивированность указанной дихотомии «претерит vs. не-претерит» при этом, конечно же, нарушается. Дальнейшее обсуждение этого вопроса следует оставить специалистам по санскриту, однако представляется, что в этом пункте позиция Стампа может оказаться уязвимой.

Глава 8, написанная Эндрю Спенсером (Andrew Spencer), называется «Основы, морфема и флексии, несущие значение» («Stems, the morpheme, and meaning-bearing inflection»). Основная цель главы — «проверить гипотезу о том, что все основы в морфологии языка являются по определению морфомными, — гипотезу строго морфомных основ (Strictly Morphomic Stem Hypothesis)» (с. 207–208). Иными словами, согласно этой гипотезе, если некая лексема (такая как латинский глагол) имеет несколько различных основ в своей парадигме, эти основы не могут нести собственной семантики (вопросы фонологической мотивации выбора основы автор осознанно оставляет в стороне).

Спенсер полагает, что морфомность можно понимать двояко, и вводит два понятия, которые обозначает как «морфомный_ф» и «морфомный_с». Первое относится к выражениям, не несущим морфосинтаксических признаков и не меняющим набор морфосинтаксических признаков словоформы; второе — к выражениям, которые не содержат семантического предиката (не добавляют и не удаляют семантических предикатов в семантической репрезентации слова)⁷. Эти понятия формулируются в рамках теории парадигматических функций, одно из ключевых положений которой гласит, что флексии не несут морфосинтаксических признаков, а лишь реализуют их (подробнее см. [Stump 2001]). Таким образом, в этой теории все флексии с необходимостью морфомны_ф. Заметим, что определения Спенсера не соотносятся каким-либо очевидным образом с определением Аронова из главы 2 (см. выше).

Далее Спенсер формулирует четыре утверждения, истинность которых в языках мира предлагается установить: 1) Все основы морфомны_ф; 2) Все основы морфомны_с; 3) Все

⁷ По-видимому, в первом приближении можно считать, что «морфомный_ф» = «не несущий грамматического значения», а «морфомный_с» = «не несущий лексического значения».

флексии морфомны_ф; 4) Все флексии морфомны_ф. В статье рассматриваются только утверждения 1, 2 и 4 (автор исходит из верности третьего утверждения, см. выше). Спенсер приходит к выводу, что утверждение 1 верно, утверждение 4 неверно, и оставляет открытым вопрос о верности утверждения 2.

В статье обсуждаются явления в ряде языков, которые могут быть опровержением рассматриваемых гипотез. В большинстве случаев автор предлагает формальное описание явления с позиций теории парадигматических функций, которое позволяет определить, соблюдается ли та или иная гипотеза. Однако необходимо заметить, что ответ на поставленные вопросы в немалой степени зависит от принимаемого формализма, поскольку гипотезы касаются не столько эмпирических фактов, сколько теоретических понятий. Более того, создается отчетливое впечатление, что истинная цель автора — не проверить гипотезу, а выстроить формальную модель с некоторыми заранее заданными свойствами. Открыто такая цель не ставится, однако представляется характерным, например, следующий пассаж (с. 217): «Archi system is now no longer a problem for the SMSH [Strictly Morphomic Stem Hypothesis. — Л. К.]» — это говорится после того, как автор вводит дополнение к формальному аппарату, необходимое для того, чтобы гипотеза 1 не нарушалась. В чем ценность модели, в которой соблюдается именно это утверждение, эксплицитно не поясняется.

Нельзя не отметить и некоторую неопределенность изначально заявленной цели (см. цитату выше). Во-первых, непонятно, как утверждение, верное или неверное «по определению», может иметь статус гипотезы. Во-вторых, даже если понимать выражение «по определению» нестрого ($\approx$ «выводится из определения и дополнительных фактов»), сложно оценить аргументацию автора, поскольку самого определения основы (stem) в работе не дается — хотя автор на протяжении главы не раз задается вопросом, постулировать ли в том или ином случае специальную основу, или же нетривиальный тип аффиксации.

Глава 9, написанная Эриком Раундом (Erich R. Round), носит название «Морфотактика словоизменения в каядилте морфомна» («Kayardild inflectional morphotactics is morphomic») — оно и отражает главный тезис главы. Обсуждается необычная система согласования в австралийском языке каядилт (тангская семья).

Раунд является автором ряда работ по каядилту, в том числе монографии «Морфология и синтаксис языка каядилт» [Round 2013] (см. обзор этой и других работ в [Аркадьев 2015]). В рецензируемой книге Раунд предлагает анализ морфотактики в этом языке в терминах морфом. Важная особенность каядилта может быть охарактеризована как «тотальное согласование»: как пишет Н. Эванс (цит. по [Аркадьев 2015: 110]), «морфосинтаксический признак, характеризующий определенную составляющую, морфологически выражается (при отсутствии конфликтующих факторов) на всех элементах этой составляющей». Например, время глагола может выражаться на его объекте и даже на объекте зависимой от него клаузы. В результате одна словоформа часто имеет показатели нескольких граммем от разных вершин. Однако существуют запреты на совместное выражение некоторых категорий в одной словоформе, вследствие которых некоторые граммеы остаются невыраженными. Кроме того, существуют правила относительного расположения морфем в словоформе, в результате которых показатели иногда располагаются в «антииконическом» (по выражению П. М. Аркадьева [2015: 119]) порядке, не соответствующем иерархии вершин, контролирующих согласование.

Явление, которое является главным аргументом Раунда при введении морфомного уровня репрезентации для каядилта, заключается в наличии транскатегориальных полифункциональных показателей, которые во всех своих употреблении подчиняются единым морфотактическим правилам. Так, настоящее время, локатив и еще три граммеы выражаются одними и теми же показателями /ki/ и /kurka/, и эти показатели в любой из своих функций могут возникать только перед аблативом, аллативом, обликвусом и так называемым «терминальным элементом»⁸ (termination); в остальных случаях презенс, локатив и т. д. остаются

⁸ Такой вариант русского перевода использует П. М. Аркадьев [2015: 123].

невыраженными в этой словоформе. При этом аблатив, аллатив и обликвус также могут обозначать не только падеж, но и, например, время. Как пишет автор, такие ограничения невозможно сформулировать ни в терминах морфосинтаксических признаков (т. е. грам-мем), ни в терминах фонологии (учитывая нерегулярную алломорфию многих показателей). Единственное решение, согласно Раунду, — ввести промежуточный, морфомный уровень, на котором презенс и локатив представлены как единая сущность, т. е. морфома (автор обозначает ее как *шлос*), к этой сущности применяются морфотактические правила, а затем она реализуется (если возможно) в виде цепочки фонем (причем конкретный алломорф может зависеть от контекста). Применяя этот подход, автор для всех языковых примеров приводит строку «морфосинтаксических» глосс, где указаны конкретные грамлеммы, и строку «морфомных» глосс, где фигурируют чисто морфологические сущности типа *шлос*.

Помимо морфомного анализа данных каядилта, Раунд (ссылаясь на свою работу [Round 2015]) предлагает подразделение морфом в языках мира на три типа: ризоморфомы (типичным примером являются словоизменительные классы), метаморфомы (фактически то же, что «morphomic splits» у Корбета) и мероморфомы (к этому типу относятся полифункциональные показатели в каядилт и, видимо, английский Past Participle). Это попытка отразить более широкое содержание, которое приобрел термин «морфома» за последнее время.

Не имея возможности вдаваться в детали, заметим, что такое предложение представляется перспективным: оно может помочь избежать проблем, связанных с тем, что исследователи часто употребляют расплывчатый термин «морфома» по отношению к принципиально разным вещам, и это сильно затрудняет какие-либо обобщения.

В главе 10 «Морфомное наращение основы и немецкое *n*-склонение» («Morphomic stem extension and the German *n*-declension») Паоло Акквавива (Paolo Acquaviva) рассматривает особенности немецкого слабого склонения (в терминологии автора — *n*-склонение), предлагая единообразный генеративный анализ этого явления для существительных и прилагательных. Центральным пунктом в подходе автора является вводимая им морфома⁹ [Class], которая входит как деривационный показатель в структуру некоторых существительных (а именно, существительных слабого склонения) и как словоизменительный показатель образует формы прилагательных в определенной синтаксической позиции. Именно эта морфома на уровне реализации вызывает падежную парадигму слабого типа (показатель *-(e)n* во всех формах, кроме NOM.SG).

Автор обсуждает ряд особенностей *n*-склонения, связанных с синтаксическими факторами, делая вывод, что необходимо ввести отдельные правила лицензирования для синтаксического и морфологического падежа.

Предлагаемый анализ учитывает многие тонкости немецкой морфологии и синтаксиса (отмеченные самим Акквавивой или его предшественниками), однако не все стороны анализа остаются проясненными: например, при том, что *n*-склонение характеризуется как аномалия, не показано полностью, как происходит лицензирование падежа и реализация падежных маркеров в «нормальных случаях» (т. е. для сильного склонения).

Что не менее существенно, есть опасение, что автор, давая себе большую свободу в формальном моделировании, поступает при этом последовательностью и однозначностью анализа. Акквавива эксплицитно разъясняет, что морфома [Class] не несет собственной семантики и имеет весьма различные синтаксические свойства в двух случаях (для существительных и прилагательных), а идентифицируется она исключительно морфологически: по паттерну ее реализации в разных падежах. Возникает вопрос: правомерно ли в генеративном анализе выделение элементов на чисто морфологических основаниях? Или в ином ракурсе: если провозглашается необходимость введения чисто морфологических сущностей, целесообразно ли применять генеративный формализм?

⁹ Акквавива использует термин «морфома» в том значении, которое принято в распределенной морфологии; см. обсуждение главы Д. Эмбика ниже.

Итак, в работе Аккавицы сделан ряд ценных оригинальных замечаний относительно немецкого склонения и предложен достаточно элегантный генеративный анализ, учитывающий их (хотя к анализу можно предъявить содержательные претензии). Однако остается непроясненной значимость данного исследования для проблематики книги: автор с самого начала работает в рамках генеративного синтаксиса, не предусматривающего автономной морфологии, и на протяжении главы нигде не обсуждает возможность введения морфологического уровня репрезентации в каком-либо виде. Показательно, что слово «морфомный», хотя и вынесено в заглавие статьи, встречается в ее тексте лишь в двух последних предложениях. Общая идея, проводимая автором, состоит в том, что «признание определенного явления чисто морфологическим не обязывает нас отрицать релевантность синтаксиса» (с. 248). В наиболее строгом понимании это утверждение парадоксально (т. к. «чисто морфологическое» $\Rightarrow$ «не связанное с синтаксисом»), в нестрогом понимании оно представляется банальностью («чисто морфологический» аспект явления не исключает наличия синтаксического аспекта). Пожалуй, единственный вывод из данной работы для теории морфом заключается в том, что явления, считающиеся морфомными, в некоторых формализмах могут быть описаны и без введения понятий типа морфомы и морфологического модуля грамматики вообще.

Последняя глава второй части написана Дэвидом Эмбиком (David Embick) и называется «О распределении алломорфов основы: сепарация и ее границы» («On the distribution of stem alternants: Separation and its limits»). В этой главе ставится общетеоретический вопрос о том, как должно описываться соотношение между формой и содержанием в языке. Автор обсуждает предлагавшуюся начиная с работ [Chomsky 1965; Matthews 1965; Beard 1966] идею, что «звуковой (или, в общем случае, формальный) компонент морфемы отделен (is separated) от его синтаксического и семантического (...) компонентов» (с. 277). Этот принцип называется сепарацией (Separation). Он применяется в так называемых реализационных теориях, которые отказываются от сосюровской модели двустороннего знака и говорят о самостоятельно существующих наборах синтактико-семантических свойств, которым (на некотором этапе) приписываются фонологические реализации. К таким теориям относится и теория парадигматических функций, и распределенная морфология, в рамках которой работает Эмбик. Главный вопрос, ставящийся в данной главе, состоит в том, насколько сильная сепарация нужна в теории языка.

Автор рассматривает выдвинутую Ароновым идею морфомных основ как одно из проявлений сепарации: «деривация алломорфов основы отделена от процедуры, отвечающей за распределение основ» (с. 277). Эмбик критикует эту идею, утверждая, что, во-первых, такой подход не позволяет учитывать эффекты локальности (см. ниже) и, во-вторых, алломорфию основ можно описать другими способами, не прибегая к отделению деривации основ от механизмов их распределения.

Он обсуждает контекстную локальность в морфонологии, выделяя два ее типа, которые релевантны для алломорфии основ. Согласно Эмбику, алломорфия основы может регулироваться либо непосредственно прилежащей к ней морфемой, либо фонологическим признаком, находящимся в некоторой локальной области. Далее рассматриваются примеры алломорфии основ в различных языках и приводятся аргументы в пользу ограничений на правила алломорфии. Первое ограничение состоит в том, что триггер чередования всегда подчиняется описанным выше требованиям локальности; второе заключается в том, что конкретное чередование может иметь в качестве триггера только одну морфему. Здесь важно упомянуть, что морфемой в распределенной морфологии называется набор синтактико-семантических признаков вне связи с какой-либо фонологической формой. Такие единицы образуют синтаксическую структуру, и лишь затем происходит приписывание им тех или иных реализаций (это касается, по крайней мере, грамматических показателей).

Эмбик показывает, как алломорфия основ может быть описана без введения морфомного уровня в рамках распределенной морфологии. Преимущества такого подхода автор видит в том, что он является более рестриктивным и делает положительные предсказания.

Заметим, однако, что из приводимых примеров не вполне ясно, как эти ограничения и предсказания будут выглядеть на практике: они сформулированы в терминах синтаксических структур, которые весьма нетривиальным образом соотносятся с наблюдаемыми в языке формами. О принципах построения этих структур остается только догадываться: исследователь не поясняет, почему проекции расположены именно так в каждом случае, предполагается ли, что их набор и / или порядок универсален, почему время и модальность у латинского глагола кодируются в одной морфеме, а аспект — отдельно, и т. д. Не исключено, что автор целенаправленно подобрал структуры, оптимальные для его конкретной задачи. Но в таком случае возникает логический круг: утверждается, что алломорфия корня регулируется только непосредственно прилежащей к нему морфемой; однако поскольку «морфемы» в понимании Эмбика недоступны непосредственному наблюдению даже отчасти, а принципов их выделения и расположения а priori не предложено, исследователь волен построить структуру именно так, чтобы грамматический признак, связанный с алломорфией, в каждом случае оказывался на дереве рядом с корнем. (Заметим, что автору при этом приходится постулировать разные структуры для разных форм, а также использовать так называемые правила обеднения (Improvement rules), при которых «мешающая» морфема на определенном этапе удаляется.)

Следует отметить, что сам Эмбик в своей работе подчеркивает важность ограничений и предсказаний, которые должна давать хорошая теория; «парадигматические» подходы, такие как теория парадигматических функций, критикуются за то, что они допускают синкретизм любого вида (что, по-видимому, верно) и тем самым упускают важные обобщения. Эмбик стремится разработать теорию, свободную от этих недостатков; однако изложенный в данной работе подход именно в этом аспекте вызывает сомнения. Без указания четких принципов отображения грамматических элементов на синтаксическом дереве «предсказания» теории могут соотноситься с эмпирическими данными самым произвольным образом, а центральное для работы утверждение о локальности триггера алломорфии оказывается нефальсифицируемым. Таким образом, изложенного в работе недостаточно, чтобы оценить предсказательную силу предлагаемой теории; по сути дела, все зависит от того, по каким правилам строится синтаксическая репрезентация.

В заключительной **двенадцатой главе** «Взгляд на дебаты о морфеме» («A view of the morpheme debate») Ана Луиш и Рикардо Бермудес-Отеро очерчивают основные линии дискуссии и резюмируют мнения ее участников. Кроме того, предлагают новые перспективы исследований, которые должны способствовать достижению консенсуса по некоторым вопросам. Авторы главы рассматривают три центральных положения, связанных с понятием морфомы, по поводу которых ведутся споры: 1) морфомы существуют, 2) морфомные паттерны усваиваются не хуже мотивированных и 3) существует чисто морфологический уровень лингвистической репрезентации, актуальный для всех языковых единиц, в том числе не обнаруживающих морфомных качеств.

Обсуждая первое положение, авторы еще раз подчеркивают проблему, связанную с чисто отрицательным определением морфомы (затронутую Кунц-Гарбоденом в главе 5). Они также указывают на то, что постулирование морфомы не делает положительных предсказаний и поэтому не открывает пути для дальнейших исследований. Кроме того, хотя постулирование конкретной морфомы можно отклонить (если найдется внешнее объяснение), неясно, каким образом можно опровергнуть существование морфом вообще. Авторы ссылаются на труды Карла Поппера [Popper 1935], а также Томаса Куна [Kuhn 1970] и Имре Лакатоса [Lakatos 1970], в свете которых теория морфом предстает не соответствующей стандартам современной научной теории. Далее они замечают, что и с применением отрицательных критериев морфомности возникают проблемы: там, где одни исследователи постулируют морфому, другие усматривают фонологическую, семантическую или синтаксическую мотивацию.

В следующем разделе обсуждается вопрос о том, являются ли предполагаемые морфомы более сложными для усвоения (и, стало быть, менее стабильными), чем «неморфомы».

Существование такого неравенства оспаривается Мейденом в главе 3, где он демонстрирует диахроническую устойчивость морфом и даже их способность к «регенерации». Луиш и Бермудес-Отеро, однако, замечают, что это доказывает лишь то, что морфомы усваиваемы в принципе. При этом нельзя точно сказать, насколько сильного стимула они требуют для усвоения по сравнению с «неморфомами». Авторы ссылаются на ваг-тесты¹⁰, описанные в [Nevins et al. 2015], которые свидетельствуют о непродуктивности L-морфомы в современном европейском испанском, итальянском и португальском. Кроме того, типологические исследования, такие как [Pertsova 2011; 2014] свидетельствуют о безусловном преобладании мотивированных моделей синкретизма в глагольных парадигмах языков мира. Авторы замечают, что такая асимметрия представляется ожидаемой, если учесть результаты когнитивных исследований (изложенные также в [Pertsova 2014]), согласно которым человек в целом легче усваивает категории, соответствующие естественному признаку или их конъюнкции — не только в языке, но и в других когнитивных сферах, таких как зрительная память.

Затем обсуждается следующий вопрос: если считать, что морфомы существуют, как это должно быть отражено в архитектуре грамматики? Некоторые теории (в первую очередь, развивающиеся в рамках словесно-парадигматических подходов, которых придерживаются Аронов, Стамп и Спенсер) предполагают наличие особого (морфологического) уровня репрезентации. Луиш и Бермудес-Отеро замечают, что введение морфологического уровня для всех единиц не обязывает считать морфомы столь же легко усваиваемыми, как «неморфомы», — это независимые вопросы. Однако они ставят вопрос о том, «что указывает усваивающим язык на наличие морфологической репрезентации» у «неморфом» (с. 337), если мы считаем, что эта репрезентация существует.

Другие теории, такие как распределенная морфология (в рамках которой работают Ак-вавива и Эмбик), не используют морфологического уровня репрезентации; при этом, как пишет Йохен Троммер [Trommer 2016], распределенная морфология способна порождать очень многие, если не все, предположительно морфомные паттерны: правила обеднения, используемые в распределенной морфологии, позволяют «вырезать» из парадигмы произвольное множество клеток, т. е. описывать любые немотивированные модели синкретизма. Авторы главы делают вывод, что словесно-парадигматические подходы и распределенная морфология, несмотря на серьезные расхождения в фундаментальных положениях, обнаруживают «неожиданную степень пересечения в эмпирическом содержании» (с. 337).

Выводы главы вкратце таковы: в связи с нерегулярными явлениями в морфологии остается много нерешенных вопросов и теоретических разногласий, однако на практике даже далекие друг от друга школы часто приходят к схожим результатам. Чтобы продвинуться дальше, предлагается задействовать самый широкий спектр подходов и данные разных дисциплин, а также активно использовать экспериментальные методы, такие как ваг-тесты и обучение искусственной грамматике.

Подводя итоги, необходимо отметить сложность задачи, которая реализована в рецензируемой книге, — привести к прямому диалогу разные лингвистические школы, прояснить сущность разногласий, сделать выводы и очертить перспективы. Этой задачей обусловлены и чрезвычайная насыщенность книги, и ее разнородность, которую также можно считать достоинством. Некоторые существенные выводы из развернувшейся дискуссии сделаны в заключительной главе книги (см. выше), однако в целом можно констатировать весьма сложное положение дел с центральными для книги вопросами: существуют ли морфомы, как их следует определять и в каких случаях их следует постулировать. Критической проблемой оказывается факт, на который наиболее эксплицитно обращает внимание Кунц-Гарбоден: до сих пор не было предложено положительных критериев для выявления морфом, и, таким образом, гипотеза о существовании морфом в каком бы то ни было понимании на данный момент является нефальсифицируемой. Если рассуждать с позиций К. Поппера, понятие

¹⁰ Ваг-тест (Wug test) — распространенный тип психолингвистического эксперимента, изначально применявшийся для исследования усвоения языка [Berko 1958].

морфомы остается за рамками эмпирической науки. Более того, даже если не требовать нефальсифицируемости, следует признать, что исследователи вкладывают разный смысл в понятие, которое пытаются диагностировать. Это кратко упоминается в главе 2, где Аронов описывает понятие морфомы, отмечая, что только один из четырех ее типов требует специального, чисто морфологического, анализа, и именно он называется морфемой в большинстве работ. Кроме того, к морфемам относят явления, которых Аронов изначально не имел в виду и которые не вписываются в определение, данное в главе 2. Далее, в главе 8 Спенсер указывает на два возможных понимания термина «морфома» (которых, возможно, не предполагал ни Аронов, ни многие его последователи) и дает два соответствующих определения (при этом фонологический аспект им, видимо, не учитывается). В главе 9 Раунд делит морфомы на три типа, не совпадающие ни с ароновскими, ни со спенсеровскими. Наконец, как уже отмечалось, нельзя отрицать того, что и возможность, и необходимость постулирования морфом зависят от тех формализмов, которые принимает или не принимает исследователь (будь то распределенная морфология, теория оптимальности или теория парадигматических функций). В некоторые формальные теории морфомы встраиваются органично, в то время как другие теории располагают «неморфологическими» механизмами, которые применяются для описания тех же явлений.

С другой стороны, вышесказанное не дискредитирует морфому как описательный прием — имплицитно нечто подобное понятию морфомы заложено во многих грамматических описаниях, в том числе и в современных (на это указывают и авторы главы 12). С этой точки зрения понятие морфомы является новым ярлыком, охватывающим ряд уже известных явлений. К примеру, в первой грамматике языка каядилт [Evans 1985] полифункциональные показатели, которые рассматривает Раунд в главе 9, называются и глоссируются именно по «морфомному» принципу, т. е. считаются едиными во всех своих употреблениях — хотя самого понятия морфомы тогда еще не существовало¹¹. Нужно ли отказываться от таких способов анализа, если нельзя доказать отсутствие неморфологической мотивации? Сторонники морфом полагают, что нет. Впрочем, тут же встает вопрос о необходимости новых терминов «морфома», «морфомный» и т. д.: неочевидно, что они помогают лучше описывать языковой материал или соответствуют какому-то особому модулю в языковом механизме.

В связи с вопросами описательного удобства всплывает еще одна возможная причина разногласий: для некоторых исследователей формальная модель языка должна максимально точно отражать механизмы, действующие в человеческом мозге (отсюда акцент на вопросе о реальности морфом и морфологической репрезентации); некоторые же стремятся в первую очередь построить теорию, позволяющую создавать описания языка, удобные для освоения и пользования. Эти цели не исключают друг друга, однако приоритеты могут быть расставлены по-разному. Возможно, по крайней мере часть разногласий по поводу морфом и морфологии связаны с этим фундаментальным вопросом, которому, к сожалению, не было уделено специального внимания в книге.

Книга содержит некоторое количество опечаток, которые чаще всего не затрудняют чтения, однако в некоторых случаях читатель все же сталкивается с проблемами. Выше уже была отмечена ошибка в определении морфомы в главе 2 на с. 24. Кроме того, например, в главе 3 в описании одного из чередований фигурирует форма «first person singular present indicative of the preterite» (с. 49). В главе 6 в таблице на с. 137, по-видимому, один раз неверно указан индекс при глагольной основе, влияющий на выбор оптимального варианта. В главе 7, судя по всему, присутствует систематическая ошибка: во всех таблицах и формулах, где приводятся элементы *form paradigm*, вместо основ аориста, перфекта и футурума указывается одна и та же основа презенса (с. 192–193, 195, 204), что затрудняет понимание и без того непростого формализма. В главе 8 на с. 222 вместо обозначения SYN (синтаксический) стоит обозначение SEM (семантический). В той же главе 8 непоследовательно используются

¹¹ Это отмечает и П. М. Аркадьев [2015: 123].

обозначения морфосинтаксических признаков в формулах: иногда они заключаются в квадратные скобки, иногда нет, в двух случаях открывающая скобка присутствует, а закрывающая отсутствует (с. 223). Список можно продолжить.

Подведем итог: книга интересна в первую очередь тем, что на ее страницах разворачивается дискуссия о сходных явлениях с разных теоретических позиций; вскрываются альтернативные варианты анализа и не всегда эксплицируемые разногласия. Кроме того, книга представляет собой коллекцию интересных и проблематичных для теории языка морфологических явлений. Наконец, предпринимаются попытки уточнить и развить теорию морфом, начало которой было положено Марком Ароновым в 1990-е гг.; причем в то время, как одни исследователи говорят об абсолютной необходимости автономного морфологического уровня, другие выражают сомнения в его целесообразности. Книга даст богатую пищу для размышлений лингвистам, занимающимся теоретической морфологией, а также тем, кто интересуется формальными теориями языка в целом. Она может быть полезна и для исследователей, интересующихся непосредственно морфологией рассматриваемых в ней языков, таких как латынь, санскрит, немецкий или каядилт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2004 — Аркадьев П. М. [Рец. на:] G. T. Stump. *Inflectional morphology: A theory of paradigm structure*. (Cambridge studies in linguistics. Vol. 93.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001 // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 141–147. [Arkadiyev P. M. [Review of:] G. T. Stump. *Inflectional morphology: A theory of paradigm structure*. (Cambridge studies in linguistics. Vol. 93.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. *Voprosy Jazykoznanija*. 2004. No. 2. Pp. 141–147.]
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 108–139. [Arkadiyev P. M. *Grammatical theory in the light of the Kayardild data*. *Voprosy Jazykoznanija*. 2015. No. 6. Pp. 108–139.]
- Люсина 2013 — Люсина В. С. [Рец. на:] M. Maiden, J. Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds). *Morphological autonomy: Perspective from Romance inflectional morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011 // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 135–142. [Lyusina V. S. [Review of:] M. Maiden, J. Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds.). *Morphological autonomy: Perspective from Romance inflectional morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. *Voprosy Jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 135–142.]
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself: Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Beard 1966 — Beard R. *The affixation of adjectives in contemporary literary Serbo-Croatian*. Doctoral diss., Ann Arbor (MI): Univ. of Michigan, 1966.
- Benedicto, Hale 2000 — Benedicto E., Hale K. Mayangna, a Sumu language: Its variants and its status within Misumalpan. *Indigenous languages*. Benedicto E. (ed.). Amherst (MA): Univ. of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 2000. Pp. 75–106.
- Berko 1958 — Berko J. The child's learning of English morphology. *Word*. 1958. Vol. 14. No. 2–3. Pp. 150–177.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1965.
- Evans 1985 — Evans N. *A grammar of Kayardild: With historical-comparative notes on Tangkic*. Canberra: Australian National Univ., 1985.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed Morphology and the pieces of inflection. *The View from Building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*. Hale K., Keyser S. J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 1993. Pp. 111–176.
- Kuhn 1970 — Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions* (2nd enlarged edition). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970.
- Lakatos 1970 — Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes. *Criticism and the growth of knowledge. Proceeding of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1964, vol. 4*. Lakatos I., Musgrave A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. Pp. 91–196.
- Maiden et al. 2011 — Maiden M., Smith J. Ch., Goldbach M., Hinzelin M. (eds.). *Morphological autonomy: Perspective from Romance inflectional morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

- Matthews 1965 — Matthews P. H. The inflectional component of a Word-and-Paradigm Grammar. *Journal of Linguistics*. 1965. Vol. 1. No. 2. Pp. 139–171.
- Nevins et al. 2015 — Nevins A., Rodrigues C., Tang K. The rise and fall of the L-shaped morpheme: Diachronic and experimental studies. *Probus: International Journal of Latin and Romance Linguistics*. 2015. Vol. 27. No. 1. Pp. 101–155.
- Pertsova 2011 — Pertsova K. Grounding systematic syncretism in learning. *Linguistic Inquiry*. 2011. Vol. 42. Pp. 255–266.
- Pertsova 2014 — Pertsova K. Logical complexity in morphological learning: Effects of structure and overt / null affixation on learning paradigms. *Proceeding of the 38th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 11–12 February 2012*. Carpenter K., David O., Lionnet F., Sheil C., Stark T., Wauters V. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 2014. Pp. 412–425.
- Popper 1935 — Popper K. *Logik der Forschung*. Vienna: Verlag von Julius Springer, 1935.
- Prince, Smolensky 1993 — Prince A., Smolensky P. *Optimality theory: Constraint interaction in Generative Grammar*. Technical report, Rutgers University Center for Cognitive Science and Computer Science Department, University of Colorado at Boulder, 1993.
- Round 2013 — Round E. *Kayardild morphology and syntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Round 2015 — Round E. Rhizomorphemes, meromorphemes and metamorphemes. *Understanding and measuring morphological complexity*. Baerman M., Brown D., Corbett G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. Pp. 29–52.
- Stump 2001 — Stump G. T. *Inflectional morphology: A theory of paradigm structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Stump 2002 — Stump G. T. Morphological and syntactic paradigms: Arguments for a theory of paradigm linkage. *Yearbook of Morphology 2001*. Booij G., van Marle J. (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 2002. Pp. 147–180.
- Trommer 2016 — Trommer J. A postsyntactic morpheme cookbook. *Morphological metatheory*. Siddiqi D., Harley H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2016. Pp. 59–93.

Получено / received 21.05.2018

Принято / accepted 14.06.2018